

оригинальная статья

УДК 94(470)+323.1

Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга

Александр Николаевич Садовой
Субтропический научный центр Российской академии наук,
Россия, г. Сочи
<https://orcid.org/0000-0002-2153-6459>

Владислав Алексеевич Овчинников
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово
rpcsib@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Поступила в редакцию 05.01.2021. Принята к печати 01.02.2021.

Аннотация: Предлагается ряд методологических принципов исследования современной этноконфессиональной обстановки в субъектах Российской Федерации. Акцентируется внимание на необходимости использования при организации регионального мониторинга принципов системного, выборочного и процессного подходов. Современные этнические и конфессиональные процессы рассматриваются в логической взаимосвязи как проявление процессов трансформации традиционных социальных институтов и коммуникационных связей (в сфере традиционной экономики и социальной организации) под воздействием государственной политики. При анализе конфессиональных организаций предлагается использование структурно-функционального и ретроспективного методов, позволяющих выявить исторический контекст их воздействия на традиционные социальные институты многонационального населения России. Апробирован системный подход анализа этносоциальной и этноконфессиональной ситуации на межгосударственном (макро-) уровне (трансграничные зоны юга России), региональном (мега-) уровне (фрактальная и сетевая социальная организация) и микроуровне (в границах выборочных полигонов). Акцентируется внимание на проблемах вторичного анализа историографических источников по истории национальной и конфессиональной политики российского государства XIX – начала XXI в. Приводятся определения базовых дефиниций, используемых при развертывании регионального этносоциального мониторинга. Обосновывается основание расширения предметного поля интеграционных, научно-прикладных исследований по заданной проблематике.

Ключевые слова: методы исследования, конфессиональная ситуация, этносоциальная ситуация, межгосударственный уровень, региональный уровень, микроуровень

Цитирование: Садовой А. Н., Овчинников В. А. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 80–94. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94>

1. Введение

В последние десятилетия одной из устойчивых тенденций выступает формирование социального заказа на развертывание системы этносоциального мониторинга как формы научно-прикладных исследований, направленных на выявление реакции населения страны на проводимый федеральным центром курс национальной политики. Правовым основанием мониторинга выступает п. 32 «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»¹, в котором предусматривается мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Развертывание системы мониторинга неразрывно связано с моделированием системы коммуникационных (социальных) связей, преобразуемых в ходе социальных реформ, и определением их этнической и конфессиональной оставляющих

как потенциального источника дестабилизации этносоциальной обстановки.

Отличием этносоциального мониторинга от широко распространенной практики социологических опросов является его ориентация на выявление, анализ и научный прогноз направленности социальных процессов и характера социального взаимодействия (внутри- и межэтнического, межконфессионального и т. д.) за достаточно длительный отрезок времени: от нескольких десятилетий до столетий. Связано это с тем, что современные межэтнические и межконфессиональные конфликты являются следствием не только и не столько современной социальной политики, сколько отражением многовековой истории десятков этносов, входящих в состав российского государства. Формы проявления этнической и конфессиональной идентификации в общественном сознании вплоть до настоящего времени

¹ Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // СЗ РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.

во многом опираются на исторические мифы, отражающие коллективное восприятие исторических событий, составляющих историю российского государства. Во многом это определяется и тенденциями развития отечественной историографии, для которой в течение последних двух-трех столетий не было характерно рассматривать логическую взаимосвязь и взаимообусловленность истории российского государства («государственная школа»), истории ведущих конфессий (христианства, мусульманства, буддизма) и собственно этнической истории (титulyных, коренных малочисленных народов и др.), в том числе этносов, имеющих многовековой опыт государственного строительства.

Накопленный в России опыт проведения этнологических экспертиз [1–8], ориентированных на исследование широкого спектра социальных процессов, отражает наличие не только информационных лакун, не позволяющих дать полновесную научную критику феномена исторического мифотворчества, проявляющегося на платформах национальных общественных объединений, оказывающих воздействие на национальную и конфессиональную политику, но и ограничения методологического характера, определяемые тем, что современная этносоциальная и конфессиональная ситуация в стране выступает предметным полем исследования представителей широкого спектра гуманитарных наук (истории, социологии, этнологии, экономики, социальной экологии и т. д.). Вследствие этого при серьезных отличиях понятийного аппарата спектр применяемых методов объективно способствует использованию аксиологического подхода. При применении последнего внимание исследователей акцентируется не столько на анализе исторических источников, позволяющих выявить направленность и содержание социальных процессов, сколько на их качественной оценке (прогресс, регресс и т. д.) – широком спектре мнений, суждений, представлений, содержащихся в зарубежных и отечественных историографических источниках. В этой связи в ходе интеграционных исследований, направленных на выявление механизма (комплекса причинно-следственных связей) современных социальных процессов, прослеживается необходимость корректировки научной парадигмы: изменения предметной области, терминологии, методологических подходов, определения критериев оценки эффективности национальной и конфессиональной политики на всех этапах российской государственности.

2. Методологические подходы исследования этно-конфессиональных процессов и обстановки

Проводимая социальная политика объективно выступает перманентным фактором воздействия на широкий спектр социальных отношений как в структуре традиционных социальных институтов (кровно-родственных, территориальных, конфессиональных), так и экономических моделей, что позволяет рассматривать ее в качестве одной из составляющих как национальной, так и конфессиональной

политики. В силу этого выход на уровень научного прогнозирования средне- и долгосрочных последствий социальной политики допустим только на основе использования принципов системного подхода [9–12]. Согласно последним феномен *этносоциальная и этноконфессиональная обстановка* рассматривается в качестве многоуровневой, многокомпонентной, динамично меняющейся системы внутри- и межэтнических [13], внутри- и межконфессиональных коммуникаций, оказывающих воздействие (прямое или косвенное) на региональные процессы – политические, социально-экономические, социокультурные и т. д. Подход подразумевает и выявление обратной связи – воздействие региональных политических и социально-экономических процессов на изменение этносоциальной и конфессиональной обстановки на региональном и межрегиональном уровнях.

Следует особо отметить, что традиционные социальные институты, как этнические, так и конфессиональные, имеют принципиальное отличие от институтов гражданского общества. Это проявляется в их многовековой преемственности, не определяемой процессами генезиса и развития государства как социального института. При этом и родовую, и конфессиональную (церковную) форму организации (фрактальную, сетевую) можно рассматривать в качестве первоосновы государственного строительства. Прецеденты, при которых органы верховной власти выступали источником формирования клерикальной организации на основе раскола традиционных институтов и формирования новых (англиканская церковь – 1534 г., Украинская православная церковь – 2019 г.) или фактором ее полного упразднения (Россия – 1917 г.), на наш взгляд, являются исключением из правил, а не проявлением исторических закономерностей. Определяется это, с одной стороны, устойчивостью религиозного мировоззрения, сохраняющегося в среде значительной части населения мира и в условиях глобальных экологических катастроф и системных политических кризисов. С другой стороны, тем, что социальным регулятором традиционных систем жизнеобеспечения (и выживания) этнических групп выступает не только правовое поле, формируемое государством, но и нормы обычного права, опирающиеся в традиционном обществе на то же религиозное мировоззрение. Эта закономерность характерна не только для этносов, сохраняющих вплоть до настоящего времени архаичные формы природопользования, но и для ряда форм этнического предпринимательства, представленного в мегаполисах мира.

Применение системного подхода формирует условие, при котором объектом исследования выступает механизм (комплекс причинно-следственных связей) трансформации традиционных систем коммуникаций в сфере традиционной социальной организации, хозяйственной специализации, мировоззренческих конструктах – религиозного, псевдорелигиозного, атеистического восприятия окружающей действительности. Предметная область при этом подходе ограничивается *хронологически* – пиками воздействия

на традиционные системы социальной организации и жизнеобеспечения институтами государственной власти, прослеживаемыми не столько по принятию нормативных актов, определяющих курс национальной и конфессиональной политики, сколько по реакции населения – реорганизаций социальных связей (коммуникаций), определяющих традиционный уклад жизни и повседневной деятельности. Реакции могут быть различными – от эмиграции до оказания силового противостояния органам государственной власти. Анализ этносоциальной и конфессиональной ситуации по нескольким хронологическим срезам дает теоретическое допущение наличия циклических закономерностей во взаимоотношении органов государственной власти и доминирующих конфессиональных организаций. И здесь интерес представляет то, насколько на эту систему отношений оказывают влияние формы государственного устройства, политический режим, идеологические конструкции, заданные государством.

Территориально предметная область исследований в зависимости от поставленных задач ограничивается изопрагмами: а) административно-территориальных единиц (волости, уезды, епископства, муфтиаты, приходы и т. д.); б) территорий традиционного природопользования и жизнеобеспечения этнических групп; в) местами компактного проживания этнических групп; г) историко-этнографических областей; д) природно-территориальных комплексов (ландшафтов) – в случае полиэтничного состава населения – существенными отличиями систем жизнеобеспечения и традиционной хозяйственной специализации и отдельных групп.

Методологические подходы и методики исследования традиционных форм экономики и жизнеобеспечения этнических меньшинств по выборочным полигонам разработаны, апробированы и опубликованы [14]. При исследовании традиционных социальных институтов (включая церковь) прослеживаются перспективы использования разрабатываемых в настоящее время в историографии (по этнической экономике) подходов анализа фрактальной и сетевой форм социальной организации [15]. Не менее перспективным является анализ системы межэтнического и межконфессионального взаимодействия в трансграничных зонах, в которых перманентным фактором выступает не только внутренняя, но и внешняя политика сопредельных государств [16].

К сожалению, в отечественной историографии последних десятилетий круг работ, по которым можно проследить апробированные методологические подходы и методики исследования этноконфессиональных процессов, генезиса и трансформации форм межконфессионального и этноконфессионального взаимодействия, достаточно узок. Так, по состоянию на 02.06.2020, из 43 работ, выявленных по ключевому слову *этноконфессиональные процессы*, в электронной базе данных *e-library* в открытом доступе оказались только 26 статей и ни одной монографии. Согласно

проведенному анализу этих статей как историографических источников, оказалось, что использованный алгоритм исследования был отражен не более чем в половине публикаций [17–27]. Прослеживается тенденция анализа этноконфессиональной обстановки на основе обобщения статистических данных, полученных в результате социологических опросов. При эффективности этого метода при оценке текущей этноконфессиональной обстановки на основе мнений и суждений респондентов следует все же отметить, что социологические методы имеют слишком узкие хронологические рамки для анализа латентных по форме этнических процессов.

Ограничение предметного поля исследования хронологическими и территориальными рамками при применении принципов системного подхода (выявление подсистем, иерархически соподчиненных и системообразующих связей, внутренних и внешних факторов воздействия, динамики и направленности трансформации коммуникационных связей при сохранении целостности системы и т. д.) [9–11] или комбинации структурно-функционального и компаративного анализа, позволяющего проследить логику изменения внутренней структуры традиционных социальных институтов и их функций за достаточно длительный исторический период, определяет необходимость использования выборочного подхода. Последний позволяет экстраполировать тенденции и локальные социальные процессы, выявленные по историческим источникам (включая этнографические), на коммуникационные системы более высокого иерархического уровня.

Например, на основе исследования характера межэтнического и межконфессионального взаимодействия в границах нескольких выборочных (локальных) сельских анклавов (волостей, уездов, районов, поселков, сельских администраций, районов и т. д.) при наличии серьезной аргументации, полученной на основе компаративного метода (вариант – сравнительно-типологического), их типичности возникает возможность формирования рабочей гипотезы о причинно-следственных связях (механизме) этих изменений. Следующим шагом может выступить обоснование механизма формирования локальных очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной конфронтации. Достаточно перспективен и анализ процессов трансформации системы традиционных социальных коммуникаций в контексте столкновений интересов социальных страт, поиск аналогов в причинах устойчивости межэтнических конфликтов на протяжении нескольких десятилетий или столетий. В этом контексте социальная стратификация (этническая, этносоциальная, конфессиональная и т. д.) может рассматриваться в качестве имманентного по природе и латентного по форме фактора воздействия на текущую этносоциальную и конфессиональную обстановку.

3. Опыт апробации системного подхода анализа этносоциальной и этноконфессиональной ситуации

3.1. Межгосударственный (макро-) уровень.

Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансграничных зонах юга России

Как уже отмечалось, разработка алгоритма мониторинга этносоциальной и конфессиональной ситуации на основе принципов системного и выборочного подходов определяет выбор полигонов исследования (гнездовой метод выборки) в границах таксонов более высокого иерархического порядка. Выбор этих таксонов в свою очередь определяется наличием идентичных (или близких к идентичным) тенденций политического и социокультурного развития, рассматриваемых нами в качестве типобразующих признаков. Социальные процессы в границах сопредельных таксонов изучаются как самостоятельный объект исследования для выявления региональной специфики этих процессов (по динамике, содержанию, направленности). Здесь мы руководствуемся положением, что специфика российского государства, административно-территориальные структуры которого охватывают несколько географических зон (от субтропической до полярной), определивших полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, устойчивость традиционных социальных институтов, поливариантность систем традиционного жизнеобеспечения этнических меньшинств и многоукладность экономики существенно сужают возможности экстраполяции сформированных в отечественной и зарубежной (европейской) историографии концепций и рабочих гипотез по направленности, содержанию и динамике политических, экономических и социокультурных процессов как на страну в целом, так и на ее административно-территориальные составляющие.

С отходом от парадигм научного коммунизма (исторического материализма), позволяющих давать оценку региональных социальных процессов в контексте глобальных тенденций столкновений антагонистических социальных интересов, проявилась проблема оценки репрезентативности исторических фактов, выявленных на локальном уровне (в границах сельских поселений, уездов, районов и т. д.). Проблема определяется тем, что при обширности границ российского государства как национальная, так и конфессиональная политика центра, проводимая его правительством в центральных районах и на периферии на всех этапах исторического развития, не могла не иметь существенных отличий.

При акцентировании внимания на этносоциальном аспекте анализа (с позиции меньшинств) ее средне- и долгосрочных последствий мы объективно сталкиваемся с ситуацией вариативности: от принимаемых политических решений отдельные социальные группы одномоментно могли как «проигрывать», так и «выигрывать». В качестве примера можно привести глобальные тенденции решения национальной проблемы путем переселенческой политики,

объективно меняющей этническую и конфессиональную карту мира не только российского государства. Повсеместно при проигрыше автохтонных этнических групп (резидентов), теряющих этнические территории, проводимая государством политика объективно кардинально решала проблемы переселенцев, придавая динамику процессам урбанизации и развитию инфраструктуры переселенческих регионов. Это способствовало решению социальных проблем населения в целом (развитие систем образования, здравоохранения), включающего и автохтонные группы.

В процессе отработки алгоритма мониторинга текущей конфессиональной обстановки, направленного на оценку последствий проводимой государством политики, нельзя выпускать из внимания ее исторический контекст. Современные этноконфессиональные процессы являются производным от многих факторов. В силу этого мониторинг как форма научно-прикладных исследований должен быть ориентирован на выявление узловых точек, позволяющих проводить анализ национальной и конфессиональной политики как взаимообусловленного, многокомпонентного, иерархически соподчиненного процесса, в котором на каждом этапе и каждом уровне определяется субъект, объект (объекты) политики, используемые социальные технологии и сфера столкновений групповых интересов. На макроуровне этот процесс может быть отражен при системном анализе форм межгосударственного взаимодействия – от процедур принятия нормативных актов до выявления организационных форм экспансии мировых религий. На следующем уровне (мега-, межрегиональном) выявленные по нескольким хронологическим срезам тенденции рассматриваются в качестве внешнего фактора воздействия на этносоциальную и конфессиональную обстановку.

На наш взгляд, при очерчивании алгоритма перехода с одного уровня на другой, осуществляемого при выявлении (анализе) этнических и конфессиональных процессов, наиболее перспективными выступают трансграничные зоны (далее ТГЗ) юга России, охватывающие горные и прилегающие к ним регионы Южной Сибири (Саяно-Алтайский экорегион) и Западного Кавказа (включая черноморское побережье). Выбор этих полигонов как территориальных объектов исследования в границах ТГЗ (на втором этапе исследования) определен сложным этническим составом, существенными отличиями в истории вхождения автохтонного населения в состав российского государства: мирным путем (Горный Алтай, Тува) и в результате длительного вооруженного конфликта (Западный Кавказ), а также характерной для горных экосистем уязвимостью традиционных систем природопользования и жизнеобеспечения, позволяющей проводить моделирование трансформации традиционных социальных институтов под воздействием национальной политики (в динамике). Основанием для использования компаративного анализа при выявлении механизма изменения этносоциальной и конфессиональной обстановки выступают общие для обоих полигонов признаки:

неопределенный (спорный) характер государственных границ; полиэтничный состав населения, устойчивость традиционных социальных институтов этнических меньшинств, воздействие формируемых государством пограничных режимов на систему межэтнических и межконфессиональных коммуникаций [16]. Обратимся к концепциям и рабочим гипотезам, сформированным в отечественной историографии, которые могут быть использованы в ходе отработки алгоритма исследования механизма (комплекса причинно-следственных связей) изменения этносоциальной и конфессиональной обстановки в ТГЗ исходя из свойственной ей характеристик.

Неопределенный (спорный) характер южных границ в течение почти двух столетий (XVIII–XIX вв.) определял конфликт национальных интересов сопредельных государств: в Южной Сибири – России и Циньского Китая; на Западном Кавказе – России и Османской Турции. С учетом полиэтничного состава империй это оказывало прямое воздействие на проводимую ими политику, как национальную, так и конфессиональную. «Глубина» контакта определялась «спорным» правовым статусом этнических территорий для всех групп населения, проживающих в зоне межгосударственного противостояния. Открытый характер границ России в Горном Алтае с районами Внутренней Монголии сохранялся вплоть до середины 1920-х гг. Только по завершению гражданской войны сформировалась сеть пограничных застав, прервавшая систему традиционных коммуникаций между этническими группами экорегиона. В этой же плоскости неопределенность государственных границ на Западном Кавказе можно рассматривать как ситуацию, сложившуюся после Андрианопольского мирного договора (1829 г.). Этническая территория ряда субэтнотетнос адыгов фактически вошла в состав России только в ходе Русско-Кавказской войны (1817–1864 гг.), определив направление и динамику этнических процессов на территории не только Западного, но и Северного Кавказа в течение последующего столетия. Неопределенность государственных границ при «накладке» на ТГЗ изопрагм (зон контакта) между мировыми религиями по нескольким хронологическим срезам позволяет конкретизировать описание как глобальных, так и региональных конфессиональных процессов. Так, в границах Саяно-Алтайского экорегиона начиная с начала XIX в. прослеживается устойчивая тенденция территориальной экспансии структурных подразделений Русской Православной Церкви (РПЦ), столкнувшейся в начале XX в. с экспансией северного течения буддизма – ламаизма [28–32] и только отчасти – мусульманства, носителями которого являлись мигранты – казахи.

РПЦ активно использовала потенциал миссий, созданных как в приграничных регионах Сибири (фронтирах), так и на территории сопредельных государств. В 1902 г.

в Сибири действовало 11 миссий РПЦ, из них эффективно на юге Западной Сибири – Алтайская и Киргизская духовные миссии.

Рост революционного движения в государстве и самосознания у коренных народов Сибири в конце XIX – начале XX в. привел к усилению национально-освободительного движения, сформировавшегося на религиозной основе. В регионе сложилась непростая геополитическая ситуация: нежелание коренного населения отказываться от традиционных верований, широкое распространение раскола и сектантства, усиление антигосударственных настроений и революционные выступления, апатичное отношение русского населения к вере, столкновение интересов мировых религий. Все это делало Сибирь открытой для проникновения ислама и буддизма, за которыми стояли и попытки политической экспансии со стороны соседних государств. Но в конце XIX – начале XX в. миссии РПЦ не только «выжили» в кризисной ситуации, но и, выявив причины недостатков, провели реформы с пониманием перспективы развития миссионерства, с учетом изменений в политической жизни государства.

Особую роль в деятельности духовных миссий РПЦ в Сибири сыграли монастыри. Основанные в Сибири в XVII – начале XVIII в. монастыри стали основой создания организационной структуры РПЦ и миссионерскими центрами. На юге Западной Сибири задачи распространения христианской веры решали Томский Алексеевский и Кузнецкий Христорождественский мужские монастыри.

Монастыри сыграли не менее значимую роль и при распространении православия в Восточной Сибири. В 1681 г. из Москвы в Даурию была направлена миссия под начальством игумена Феодосия. На берегу Байкала был основан Посольский Преображенский мужской монастырь, ставший духовным центром Забайкальской миссии². В Забайкалье были основаны Селенгинский Троицкий монастырь, который стал крупным миссионерским центром. На территории будущей Енисейской губернии дело распространения истинной веры было возложено на Енисейский и Туруханский мужские монастыри, в Якутии – на Спасский мужской монастырь³ [33, с. 110; 34, с. 158–161]. В Восточной Сибири практически все монастыри несли миссионерские труды. Это было связано с быстрым распространением в XVIII–XIX вв. ламаизма на юге Восточной Сибири. Миссионерские труды вплоть до начала XX в. традиционно несли мужские монастыри. Во второй половине и конце XIX в. миссионерские монастыри продолжали создавать на окраинах империи с иноверческим населением.

Кардинально на развитие монастырского миссионерства на юге Западной Сибири повлияло открытие в 1828 г. Алтайской духовной миссии. К 1917 г. в структуру миссии входили 6 миссионерских монастырей и женских

² Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. М.: Тип. В. Готье, 1872. Кн. 2. С. 258–259.

³ Якутский Спасский монастырь. Омск: Типография окружного штаба, 1873. 32 с.

общин. Местоположение создаваемых новых монастырей соответствовало направлениям продвижения Алтайской миссии на юг и восток. Если провести линии от Бийска и Уалалы – центрального стана миссии – к остальным обителям миссии – до Матурской общины на востоке, Чемальской общины на юге, Чулушманского монастыря на юго-востоке, то получится веер, который четко по направлениям лучей соотносится с планами дальнейшего развития миссии. О том, что при этом монастыри рассматривались как опорные миссионерские пункты, свидетельствуют и сведения в отчетах, и попытки открыть как опорный центр Киргизской миссии недалеко от г. Семипалатинск миссионерский монастырь, т. к. на всем протяжении «киргизской степи» от Оренбурга до китайской границы не было ни одной иноческой обители. В 1895 г. Киргизская миссия перешла к вновь образованной Омской епархии, и только в 1902 г. на указанном месте возникла миссионерская женская община. Самым отдаленным монастырем, выдвинутым в сторону «киргизской степи», стал утвержденный в 1882 г. и начавший деятельность в Семиреченской области в 1885 г. Иссык-Кульский Свято-Троицкий миссионерский общежительный мужской монастырь. Необходимо подчеркнуть, что монашеские обители часто основывались в местах, наиболее отдаленных от цивилизации, и там, где отсутствовало русское население и было множество факторов (старообрядцы, родовая знать, близость языческих поселений), негативно влияющих на распространение православия (Чулушманский монастырь, Матурская община, Чемальская община).

В отчете обер-прокурора за 1902 г. было отмечено расширение влияния Алтайской духовной миссии: «Миссия простерла свою деятельность до границ Китая; теперь наступает очередь язычествующих инородцев, кочующих в пределах Китая, но тяготеющих к России. Стремление к православию обнаруживается у сойтов, соплеменных русским крещеным инородцам, живущих вблизи Телецкого озера, у Чуйских телеутов, русских подданных, и их соседей – тербетов, проживающих в Китае. Из китайских инородцев уже крещено до 300 человек, проживающих в пределах миссии»⁴. В будущие задачи миссии входило и продвижение на юг через Усть-Каменогорск и Семипалатинск и в Минусинскую область. На годовом собрании Томского отдела Православного Миссионерского общества в 1910 г. было отмечено, что будущее Алтайской духовной миссии – в проповеди в соседней Монголии⁵. Продвижение Алтайской духовной миссии на юг, юго-восток и восток, меры по распространению православия в ближайших к русским границам округах Китайской империи в начале XX в. тесно переплетались с внешнеполитическими задачами Российской империи, стремившийся закрепить свое влияние на территории Тывы и Внешней Монголии [35].

Необходимо отметить, что Российской духовной миссии, действовавшей в Китае с 1715 г., после открытия особой русской дипломатической миссии в 1861 г. была разрешена проповедь во внутренних областях Китая. В ее работе использовались как методы миссионерской работы, опробованные на территории Российской империи, так и опыт западных христианских церквей. Духовная миссия в Китае активно использовала ресурс православных монастырей. К 1917 г. миссия состояла из мужского и женского монастырей в Пекине, женского скита, 5 подворий, 19 храмов, 32 станом, семинарии, 20 школ, в 670 населенных пунктах проживали 5587 православных [33, с. 246–268; 36, с. 356–357]. Системная работа позволила миссии продолжить работы и в постреволюционные годы, и во время оккупации Маньчжурии японскими войсками, гражданской войны и становления КНР. Миссия прекратила свое существование в период культурной революции в Китае. В начале XXI в. РПЦ предпринимает шаги по восстановлению своего присутствия в Китае, где проживает около 20 тыс. православных.

На территории черноморского побережья отмечается та же тенденция – смена конфессионального состава по всей ТГЗ, проявившаяся в том, что после выселения автохтонного населения (мусульман) приоритетное право заселения пограничных районов получали только представители разных ветвей христианства [37]. В настоящее время здесь прослеживается обратная тенденция – усиление позиций представителей мусульманских общин (Абхазия, Аджария), имеющих устойчивые контакты с бизнес-структурами Турции при невнятной конфессиональной региональной политике правительства и Абхазии, и Грузии. В целом можно отметить, что компаративный анализ соответствия государственных границ с изопрагмами зон экспансии мировых религий (на разных исторических этапах) позволяет актуализировать исследования, посвященные формам взаимодействия на межгосударственном уровне институтов государственной власти и церковных организаций, выступающих фактором (имманентным) воздействия на формирование стратегии национальной политики (вариант – колонизации) в границах ТГЗ. При этом анализ причинно-следственных связей (механизма) курса на изменение этнического состава населения в зонах контакта мировых религий, выявление глобальных, региональных, внутрирегиональных тенденций может выступать отдельным объектом исследования.

На макроуровне в предметную область исследования процессов могут быть включены сюжеты по характеру *воздействия пограничных режимов* сопредельных государств ТГЗ на проводимый ими курс национальной и конфессиональной политики с учетом интересов земельных собственников и бизнес-структур, включенных в систему межгосударственных торговых коммуникаций. Связано это

⁴ Отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. Спб., 1905. С. 174.

⁵ Томские епархиальные ведомости. 1910. № 7. Неофиц. часть. С. 313–316.

с тем, что используемые по обе стороны государственных границ социальные технологии при правовой неопределенности института земельной собственности (по всей ТГЗ) были ориентированы на системное решение двух задач, стоящих в течение XIX в. перед правительством России: 1) формирование пограничных режимов в условиях нестабильной этносоциальной и конфессиональной обстановки; 2) организация контроля и управления социальными процессами в пограничных районах с учетом не столько этнических, сколько национально-государственных (общенациональных) интересов. Специфическим признаком ТГЗ выступало то, что в их границах, в отличие от внутренних районов государства, противоречие между этими интересами и этническими интересами населения ТГЗ являлись скорее нормой, чем исключением. В связи с этим национальная политика проявлялась не столько в поиске баланса интересов, сколько в последовательном формировании пограничных режимов и создании необходимых условий для охраны государственных границ.

3.2. Региональный (мега-) уровень. Этнический и конфессиональный состав населения в контексте анализа фрактальной и сетевой социальной организации

Как уже отмечалось, для большинства районов, входящих в ТГЗ юга России, был характерен полиэтнический и поликонфессиональный состав населения. Как на межрегиональном, так и внутрирегиональном уровне это обуславливало формирование зоны контактов (вариант – конфликтов) групповых интересов – как этнических, так и конфессиональных. Во многом это определялось тем, что государственные границы по всей ТГЗ крайне редко соответствовали изопрагмам этнических территорий, идентичным территориям традиционного природопользования и жизнеобеспечения этнических меньшинств. В свою очередь изопрагмы этнических территорий в течение последних двух столетий динамично менялись под воздействием не только переселенческой политики, но и миграционных (этнических) процессов, вышедших из-под контроля государств. Так, в границах Алтае-Саянского экорегиона в XVII – начале XX в. при относительной устойчивости границ этнической территории алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, челканцев (Центральный и Северо-Восточный Алтай) прослеживаются миграции: а) телеутов к северу (формирование бачатской группы в современной Кемеровской области), б) казахов (Юго-Восточный Алтай); в) русских старообрядцев (Центральный Алтай, Уймонская котловина); г) формирование сети населенных пунктов русских переселенцев, прилегающих к миссионерским поселкам Алтайской духовной миссии (Северо-Восточный, Центральный Алтай); д) несколько неконтролируемых правительством волн русских переселенцев в предгорные районы Алтая и Кузнецкого Алатау. В отечественной историографии неоднократно отмечалось, что массовое переселение

автохтонного населения Западного Кавказа, инициированное правительствами Османской и Российской империй (мухаджирство), вышло из-под их контроля, что привело к массовой гибели переселенцев в ходе переселения и на местах их временной дислокации на территории Турции.

Изменение границ этнических территорий, формирование социальных институтов в среде переселенцев, формирование системы поземельных отношений этой группы с представителями автохтонного населения, формирование на внутрирегиональном уровне системы межконфессиональных контактов – тематика, фактически не разработанная в региональной историографии, что придает ей особую актуальность. Если акцентировать внимание на обосновании новизны этой проблематики, то здесь прослеживается перспектива апробации новых для отечественных историков методик исследования, органически вписывающихся в системный, выборочный и процессный подходы исследования социальных феноменов, органически связанных с поднятой проблематикой.

Стоит акцентировать внимание на том, что традиционные социальные институты как автохтонных групп населения, так и переселенцев, формирующих сельские анклавные, по своей структуре являлись проявлением *фрактальной организации*. Связано это было с тем, что системы жизнеобеспечения, формируемые отдельными семьями при сохранении норм обычного права, органически вписывались (в качестве подсистемы) и были во многом *идентичны* системам жизнеобеспечения социумов более высокого иерархического уровня (подовые, территориальные общины). Эта закономерность соответствовала основному признаку *фрактальной природы социумов* – образований, состоящих на всех уровнях из элементов, подобных (аналогичных) целому. Системообразующей связью как на горизонтальном уровне (сетевая организация), так и вертикальном, выражавшейся во включении низовых форм этнической экономики (жизнеобеспечения, предпринимательства) в систему региональных и межрегиональных экономических связей, выступали нормы обычного права как социальные регуляторы внутриэтнических отношений, в отдельных случаях – и межэтнических. При этом следует особо акцентировать внимание на том, что нормы обычного права как системообразующая, иерархически соподчиненная связь на всех этапах исторического развития этнических меньшинств имели *сакральную природу*. В этом контексте последовательная смена в среде этнических меньшинств норм обычного права социальными регуляторами, предлагаемыми мировыми религиями (церковью), использующими принципы как сетевой, так и фрактальной организации (основанной на канонах), приводила к крайне сложной для восприятия системе внутрирегиональных межэтнических и конфессиональных отношений. Одним из наиболее ярких примеров воздействия сетевой организации РПЦ на систему региональных связей является деятельность монастырей [38].

Примером может служить Алтайская духовная миссия, к 1917 г. насчитывавшая 31 стан, 95 храмов и молитвенных домов, 84 школы, 434 селения, приюты, Бийский архиерейский дом и 6 монастырей и женских общин. Представители северных алтайских племен (тубаларов, кумандинцев, телеутов), раньше принявшие православие и уже разбавленные в начале XX в. русским населением, практически на 100 % исповедовали православие. В Улаале, где долгое время располагался центральный стан миссии, в 1888 г. проживало 2459 крещеных инородцев – 725 оседлых и 1734 кочевых, а также 901 шаманист, при активном участии сестер Улаалинского монастыря удалось добиться того, что в 1915 г. все инородцы Улаалы – 1367 человек – были оседлыми и православными⁶.

Чулышманский монастырь был основан в достаточно изолированной части Алтая, где отсутствовало русское население и которая была населена южными алтайцами – теленгитами. Несмотря на отдаленность, малочисленность братии, монастырь за счет использования экономического рычага и системы льгот сумел добиться того, что к 1915 г. все жители Чулышманской долины приняли крещение⁷. Механизм – земли (пашни, сенокосы, зимние пастбища) в Чулышманской долине были закреплены за монастырем и он сдавал их в аренду местным жителям. И хотя жители вплоть до 1917 г. выражали недовольство высокой арендной платой, устраивали самовольную вырубку леса, угон скота, это не являлось недовольством на религиозной почве⁸.

Экономический механизм принуждения к крещению не мог дать стопроцентного положительного эффекта. В 1908 г. монахи сами подтверждали, что даже крещеные местные инородцы до сих пор камают, но большей частью зимой. Сохранившийся шаманизм теснился и возникшим в это время бурханизмом. Монастырь и миссионерский стан, вводя ограничения на запрет языческих обрядов вблизи монастыря и стана, миссионерских крестов, поставленных на берегу озера и при слиянии рек Чулышмана и Башкауса⁹, предлагал различные формы помощи: низкую арендную плату, обучение обработке земли, обучение в школах, содержание в приютах детей, оказание медицинской помощи и др. Такой комплексный подход позволил крестить двоеданцев, откочевывающих в долину Чулышмана на зимние пастбища и присягнувших на верное подданство из-за земель, существенно ограничил противодействие языческой зайсано-байской верхушки, преградил доступ в район старообрядческому населению, позволил поставить под контроль не только достаточно изолированный район Алтая, но и перспективные с точки зрения развития

торговли и коммуникаций пути по линии р. Бия – Телецкое озеро – Улаган – Чуйская долина. После открытия в начале XX в. миссионерских станов в Чуйской долине и Улагане район полностью перекрывался и контролировался Алтайской духовной миссией. В 1915 г. в Чулышманском отделении Алтайской духовной миссии проживало 1603 оседлых и православных инородца¹⁰.

Традиционно экономической основой православия была земледельческая культура, в корне отличная от кочевого экстенсивного скотоводства. Показателен пример Чулышманского монастыря. Если до 1890-х гг. население долины закупало хлеб у купцов по завышенным ценам, то под влиянием монастыря стало сеять зерновые, при этом используя соху вместо мотыги, косить сено косами-литовками, а не срезать ножами. Монахи и миссионеры, «первые и единственные учителя земледелия», приучали инородцев к оседлости. В начале XX в. были успешно проведены опытные посевы пшеницы, расширены посевы зерновых, применялась сельскохозяйственная техника, что способствовало повышению уровня хозяйственной культуры жителей Чулышманской долины. В Отчете Алтайской духовной миссии за 1914 г. отмечалось, что жители долины в религиозном плане стоят выше новокрещеных прочих отделений миссии, большинство мужчин грамотны и читают на родном языке. В отчете подчеркивается роль обители в хозяйственном развитии долины и то, что «от монастыря инородцы научились русскому языку, русским обычаям, уважению к русскому народу и его законам»¹¹.

Безусловно, что на начальном этапе крещение для местного населения носило вынужденный характер, но последовательные меры по укреплению веры привели к положительному результату. Конфликты инородцев и монастыря имели в своей основе экономический или бытовой характер и не переходили на религиозную основу. Тезис о насильственном или вынужденном крещении чулышманских инородцев опровергается данными, полученными в процессе работы полевой экспедиции (сентябрь 2001 г.), приведенной А. П. Адлыковой. По результатам опросов жителей деревень Балыкча (рядом с бывшим монастырем), Коо, Балыктыюль (перевал Катунь-Ярык) Улаганского района, они являются в основной массе православными и хранят добрую память о миссии и существовавшем здесь монастыре. В 2001 г. в Коо, Балыктыюль действовали церкви, в Балыкче – молитвенный дом, построенные по желанию местных жителей на их средства и при их непосредственном участии. В воспоминаниях местных жителей отсутствует информация о сложности исторического земельного

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

⁷ Там же.

⁸ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 52. Л. 30; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.

⁹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 136. Л. 14.

¹⁰ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

¹¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 24–27.

вопроса в районе. Большинство опрошенных считает, что их предки именно обитатели обязаны крещением, обучению земледелию и хозяйственным навыкам, распространению культуры. Про существование миссионерского стана помнят немногие. Особая признательность монахам выражается за «великолепные сады», растущие по всей Балыкче, и яблоки, которыми славится Улаганский район [39, с. 123–124]. Безусловно, односторонние положительные обнародованные результаты опросов могут быть, на наш взгляд, связаны с тем, что экспедиция была организована миссионерским отделом Алтайской епархии.

Принципиально иная ситуация сложилась на Западном Кавказе, где миграционные процессы во многом определились ходом военных действий, вынужденным уходом автохтонного населения с территорий традиционного природопользования за пределы российского государства. Итогом войны стали полная утрата автохтонным населением Западного Кавказа своей этнической территории в результате мухаджирства – переселения на территорию Османской империи, распад традиционных социальных институтов, системы расселения, природопользования и землепользования [40], формирование полиэтничного состава населения экорегиона за счет мигрантов [41–43], исключительно высокие темпы урбанизации, способствующие формированию на побережье городских агломераций. Формирование сетевой организации РПЦ на черноморском побережье (за исключением территории современной Абхазии) осуществлялось не в среде автохтонного населения, а в среде переселенцев, относящихся к разным ветвям христианства, что придавало формируемой системе межконфессионального взаимодействия четко выраженную региональную специфику, не позволяющую строить рабочую гипотезу об идентичности проводимого курса конфессиональной политики по всей ТГЗ юга России.

Акцентирование внимания на возможностях системного анализа национальной и конфессиональной политики формирует перспективу существенного расширения предметной области исследований, с одной стороны, путем выявления генезиса сетевой организационной структуры, охватывающей автохтонное население и мигрантов. С другой – через выявление динамики и внутренней логики формирования в ТГЗ институциональных структур мировых религий. Анализ интеграционных (коммуникационных) связей между этими структурами и составляющими систем жизнеобеспечения и природопользования автохтонного населения и переселенцев как форма проявления «горизонтальных связей» между сетевыми организациями представляет исключительно широкое поле исследования, позволяющее выйти из порочной практики перманентного переписывания историографических источников.

При выявлении «вертикальных» внутрирегиональных социальных связей особое внимание следует обратить на то, что именно *устойчивость традиционных социальных институтов этнических меньшинств* (по всей ТГЗ) во многом и определяло политику патернализма; толерантное отношение государства к традиционным институтам власти и судопроизводству в среде как этнических, так и конфессиональных групп. Терпимость выступала одним из основных принципов имперской национальной политики, используемым в зонах перманентных межэтнических конфликтов. Эта же тенденция прослеживается и в настоящее время. В качестве примера можно привести отношение российского правительства к своим бывшим «противникам» (не врагам): тейпам имама Шамиля в XIX в. и Р. А. Кадырова в начале XXI в. Спецификой ТГЗ является и соблюдение национальными элитами традиционных социальных регуляторов как на основе норм обычного права, так и системе религиозных запретов.

В Саяно-Алтайском экорегионе это проявилось в том, что вплоть до административно-территориальных реформ начала XX в.¹² автохтонное население сохраняло свои традиционные институты самоуправления и судопроизводства. На Западном, отчасти Северном Кавказе это проявилось в том, что социальными причинами мухаджирства, исхода автохтонного населения (шапсугов, убыхов, абадзехов, бжедугов) в Османскую империю после Русско-Кавказской войны выступила *приверженность* традиционным формам социальной организации. Проявилось это в том, что инициаторами переселения выступила национальная элита автохтонного населения, у которой отсутствовали ясные социально-экономические перспективы сохранения традиционных систем социальной организации «при русской власти». Веские основания для принятия этого решения прослеживаются в том, что после буржуазных реформ 1860–1870-х гг. все «зависимые сословия» по ТГЗ юга России получали личную свободу, а территориальные общины – земельные наделы и унифицированные с остальным населением системы волостного самоуправления и судопроизводства.

Региональная специфика современных этнических и конфессиональных процессов, определяющих характер *этносоциального и межконфессионального взаимодействия*, определяется той же устойчивостью традиционных социальных институтов (включая институт церкви). С одной стороны, собственно система межконфессионального взаимодействия повсеместно определялась характером связей (коммуникаций) между иерархически соподчиненными элементами такого социального института, как церковь. Функции структурных составляющих этого института (приходов, умм, монастырей и т. д.) объективно детерминируют систему их взаимодействия как с низовыми институтами государственной

¹² Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 1913 г. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1899. Т. XVI: 1986. Отд-ие 1. № 12998. С. 503–505.

власти (губернии, края, области), так и представителями этнических меньшинств (национальными общественными объединениями, бизнес-структурами и т. д.). Характер этого взаимодействия, как показала политическая история России XX в., может быть не только мирным. В районах с полиэтничным составом населения конфликтная ситуация может сформироваться в следующих сферах:

- а) трактовке этнической истории (объяснения прошлого, настоящего и будущего) и роли в этом процессе институтов государственной и конфессиональной власти;
- б) регламентации повседневного поведения с учетом социальной стратификации;
- в) регулировании морального поведения личности (противоречие конфессиональных и государственных норм);
- г) оценке (одобрение / критика) предложенных государством форм социального устройства;
- д) формах этнической консолидации в кризисные периоды.

Таким образом, конфессиональный фактор можно рассматривать в контексте перманентного воздействия на систему региональных коммуникационных связей в сфере воспроизводства традиционных социальных институтов (семья, клановая, племенная организация и т. д.), экономики (систем жизнеобеспечения этнических и иных социальных групп), политики (включения в сферу межгосударственных связей). Фактически конфессиональные отношения органически вписываются (накладываются) в широкий спектр социальных коммуникаций на только на межгосударственном уровне (ТГЗ в целом), но и на региональном уровне – структуре церкви (стратификация профессионального духовенства), выступающей для государства в качестве юридического лица, владеющего собственностью, составляющей экономическую основу, и как социальный регулятор четко разработанной догматики и детализированного культа.

На уровне любой конфессиональной организации выделяют управляющую и управляемую подсистемы. Первая система включает социальные группы, ориентированные на сохранение (консервацию) мировоззренческих установок, координацию религиозной деятельности и отношений, организацию контроля за соблюдением конфессиональных норм, включая разработку и применение санкций. Ядро этой системы может находиться как в границах ТГЗ, так и за ее пределами. В границах Алтае-Саянского эко-региона управленческое звено РПЦ было представлено с 1828 г. руководством Алтайской духовной миссии (Улала, г. Бийск) и опиралось на сеть динамично разворачиваемых миссионерских станций и селений [35; 44; 45, с. 120–123]. Центры экспансии ламаизма (бурханизма) и мусульманства находились за пределами Российской империи. Для Западного Кавказа характерно, что вплоть до выселения автохтонного населения и смены его переселенцами институты конфессионального управления находились за пределами ТГЗ. У мусульман – в Стамбуле.

3.3. Микроуровень. Исследование этносоциальной и конфессиональной ситуации в границах выборочных полигонов

Организация регионального этнологического и конфессионального мониторинга базируется на проведении социологических опросов и этнологических экспертиз, проводимых в среде локальных групп (этнических, конфессиональных, социальных страт и т. п.). Сам ход проведения полевых исследований подразумевает использование в качестве технического приема гнездовой выборки, при которой тенденции, выявленные в среде локальных групп, экстраполируются на внутрирегиональный, в отдельных случаях – на межрегиональный уровень. В случае использования структурно-функционального и компаративного анализа (в ретроспективе) на основе архивных материалов и историографических источников внимание исследователей акцентируется на функциях традиционных социальных институтов. Так, только на этом уровне можно провести прямое сопоставление между современными формами этнического предпринимательства этнических меньшинств с системами жизнеобеспечения и природопользования на срезе XIX–XX вв., характером влияния институтов церкви (монастырей, миссий и т. д.) на регуляцию социальных отношений на внутри- и межэтническом уровнях. Особое внимание можно обратить и на социальные институты, формируемые в среде верующих (формы социальной организации), воспринимающих конфессиональные нормы в качестве основного социального регулятора повседневной жизни.

В соответствии с этим подходом возникает возможность не только выявить, но и описать составляющие систем нормативно оформленных, иерархически выдержанных отношений, определяющих как управление религиозной деятельностью, так и ее соответствие сохраняющимся нормам обычного права, направленным на сохранение традиционных социальных институтов (семья, родовая организация) и противодействие тем формам социальной политики, которые ведут к их распаду, например проявлениям ювенальной юстиции. Только полевой материал позволяет выявить характер отношений между верующими, священнослужителями различных рангов, руководящими органами организаций и их структурными подразделениями, регламентирующими деятельность, права и обязанности. Необходимо учитывать, что крайне консервативный характер норм обычного права в сфере семейных отношений и традиционной экономики, конфессиональные нормы, затрагивающие повседневную жизнь населения ТГЗ на всех этапах исторического развития, имели сложную для восприятия конфигурацию, динамично меняющуюся как во времени, так и пространстве. Кодификация этих норм, делегирование церкви части функций государства (в области семейного права) выступали проявлением на местном уровне как конфессиональной, но и национальной политики.

4. Заключение

Смена научных парадигм, характерная для отечественной историографии по этнической и конфессиональной истории населения России последних десятилетий, определяет необходимость перехода на этап междисциплинарных исследований. Последние могут быть осуществлены на основе единых методологических подходов, пакетов методик, глоссария, вторичном анализе историографических источников. Такой объект исследования, как современная этноконфессиональная обстановка в субъектах РФ, не является исключением. В ходе организации регионального мониторинга принципов, направленного на выявления очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной конфронтации, прослеживается устойчивая тенденция использования универсальных для естественных, общественных и гуманитарных наук методологических принципов системного, выборочного и процессного подходов. При выявлении и анализе латентных по природе этнических и конфессиональных процессов в историческом контексте эти принципы позволяют акцентировать внимание как на их логической взаимосвязи и взаимообусловленности, так и на механизме трансформации традиционных социальных институтов и коммуникационных связей (в сфере традиционной

экономики и социальной организации) под воздействием политики, проводимой российским государством на всех этапах его исторического развития.

Изменение методологических подходов и пакет используемых методик и технических приемов исследования объективно способствует существенному расширению предметной области исследования и определяет проблему вторичного анализа историографических источников по поднятой проблематике. Учитывая то, что национальная и конфессиональная политика российского государства XIX – начала XXI в. подвергалась анализу на основе аксиологического (оценочного) подхода, проведение вторичного анализа историографических источников рационально с процедурой формирования рабочих гипотез по направленности, содержанию, динамике современных этнических и конфессиональных процессов на основе полевых этнологических экспертиз и социологических исследований как составляющих регионального мониторинга.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Богоявленский Д. Д., Мартынова Е. П., Мурашко О. А., Хмелева Е. Н., Якель Ю. Я., Яковлева О. А. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М.: Радуница, 2002. 134 с.
2. Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Бойко В. И., Шмаков В. С., Зазулина М. Р., Белозёрова М. В., Шиллер В. В., Счастливцев Е. Л., Борина А. С., Усков И. Ю. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации МО «г. Мыски». Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2005. Вып. 1. 216 с.
3. Мурашко О. А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. М.: АКМНСС и ДВ РФ, 2006. 107 с.
4. Бойко В. И., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Белозёрова М. В., Садовой А. Н., Колбаско А. В., Зазулина М. Р., Манаков Ю. А., Куприянов А. Н., Самсонов В. В., Чемчиева А. П. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Параллель, 2008. Вып. 2. 232 с.
5. Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удыгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: Стратегия, 2010. 164 с.
6. Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. тр. XVII Междунар. науч. симпозиума. Омск: Наука, 2010. С. 76–80.
7. Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.-Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2011. 267 с.
8. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1. С. 22–26.
9. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход, предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969. 48 с.
10. Юдин Э. Г. Системные идеи в этнографии // Природа. 1975. № 7. С. 23–29.
11. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

12. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.
13. Садовой А. Н. Методологические и организационные аспекты формирования источниковой базы по современной системе межкультурных коммуникаций // Проблемы современных социокультурных исследований: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) Астрахань: ИД Астраханский университет, 2019. С. 12–16.
14. Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.
15. Садовой А. Н. Методологические аспекты анализа традиционных форм этнического предпринимательства // Научный диалог. 2019. № 8. С. 345–359. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-345-359
16. Садовой А. Н. Национальная политика России в трансграничных зонах. Этнические аспекты исследования социальных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 145–156. DOI: 10.17223/15617793/442/18
17. Дашковский П. К. Современные этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае // Религиоведение. 2012. № 1. С. 134–143.
18. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. Этноконфессиональная идентичность: исторический анализ роли этнокультурных факторов в деятельности российского общества (на примере Саратовской губернии) // Власть. 2013. № 11. С. 40–43.
19. Ермоленко Т. Ф., Шевелев В. Н. Этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе в условиях вызова модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 11–15.
20. Авксентьев В. А., Шульга М. М. Этноконфессиональные отношения в Ставропольском крае: опыт конфликтологического анализа // Конфликтология. 2014. № 3. С. 148–162.
21. Сериков А. В. Этноконфессиональные процессы в поликультурном регионе (на примере Ростовской области) // Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 28–29 ноября 2016 г.) Майкоп: Электронные издательские технологии, 2016. С. 139–142.
22. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Основные тенденции в сфере этноконфессиональных отношений у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере мордвы) // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 164–168.
23. Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. 2017. № 1-2. С. 115–128.
24. Гурко (Верещагина) А. В. Современные религиозные традиции в белорусской деревне, их трансформация и проявление на белорусско-российском пограничье // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Псков, 5–7 декабря 2016 г.) Псков: ПсковГУ, 2018. С. 185–191.
25. Шарاپов А. В. Влияние этноконфессионального фактора на гражданскую активность сельской молодежи Алтайского края (на примере социологического опроса) // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 154–161.
26. Жаде З. А., Кумпилов Т. М. Влияние миграционных процессов на конфессиональное пространство Республики Адыгея // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 23–25 мая 2019 г.) Майкоп: Электронные издательские технологии, 2019. С. 84–90.
27. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Об этноконфессиональных процессах у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере Мордвы) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по мат-лам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 518–522.
28. Садовой А. Н. Некоторые аспекты анализа бурханизма // Проблемы истории Кузбасса: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 60-летию создания Кемеровской области. (Прокопьевск, 6–7 декабря 2002 г.) Кемерово: Инфотех, 2002. С. 8–11.
29. Шерстова Л. И. Бурханизм в Горном Алтае // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 22–37.
30. Шерстова Л. И., Зиновьев В. П. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 288 с.
31. Насонов А. А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Кемерово: ИНТ, 2013. 198 с.
32. Насонов А. А. Региональные формы буддизма в Южной Сибири: проблемы распространения и адаптации // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1. С. 27–30.
33. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 683 с.
34. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 205 с.
35. Овчинников В. А. Монастыри Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири (конец XVIII – начало XXI вв.). Расцвет. Ликвидация. Возрождение. Кемерово: КемГУ, 2011. 544 с.
36. Знаменский П. В. История Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000. 464 с.

37. Ионова З. Н. Христианские конфессии на Черноморском побережье Кавказа в конце XIX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. 21 с.
38. Овчинников В. А. О применении институционального подхода при исследовании истории монастырей Русской православной церкви // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 55–60.
39. Аддыкова А. П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2006. 189 с.
40. Садовой А. Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX веке) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 32. С. 13–25.
41. Белозёрова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. Szczecin, Poland, 2012. С. 46–52.
42. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX веков. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 124 с.
43. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи // Вестник Института социологии. 2011. № 2. С. 172–186.
44. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. 198 с.
45. Храпова Н. Ю. К вопросу о содержании и штатах Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Скубневский. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 120–123.

original article

Regional Ethnic and Confessional Situation in the Russian Federation: Arrangements for Monitoring

Alexander N. Sadovoy

Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Sochi

<https://orcid.org/0000-0002-2153-6459>

Vladislav A. Ovchinnikov

Kemerovo State University, Kemerovo

rpsib@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9050-1850>

Received 5 Jan 2021. Accepted 1 Feb 2021.

Abstract: The article introduces new methodological foundations for analyzing the current ethno-social and ethno-confessional situation in various constituents of the Russian Federation, namely an ethno-social and confessional monitoring based on systematic, selective, and process approaches. Modern ethnic and confessional processes manifest the transformation of traditional social institutions and communications in traditional economy and social organization as a result of state policy. The structural and functional method made it possible to identify the historical context of the impact that religious organizations produce on traditional social institutions. The authors tested a systematic approach to the analysis of the ethno-social and ethno-confessional situation on three levels: 1) interstate (macro) level in the transboundary zones of southern Russia, 2) regional (mega) level of the fractal and network social organization, 3) micro level within the boundaries of sample polygons. The article also focuses on the problems of secondary analysis of historiographical sources about the history of state national and confessional politics in the XIX – early XXI centuries. It introduces basic definitions used in regional ethno-social monitoring. The topic needs further integrated and applied research.

Keywords: research methods, confessional situation, ethno-social situation, interstate level, regional level, micro level

Citation: Sadovoy A. N., Ovchinnikov V. A. Regional Ethnic and Confessional Situation in the Russian Federation: Arrangements for Monitoring. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 80–94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94>

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Bogoiavlenskii D. D., Martynova E. P., Murashko O. A., Khmeleva E. N., Iakel Iu. Ia., Iakovleva O. A. *Assessment of the potential impact of the Gazprom program of prospecting and exploration works in the Obstkaya and Tazovskaya lips on the components of sustainable development of ethnic groups of small peoples of the North*. Moscow: Radunitsa, 2002, 134. (In Russ.)
2. Sadovoy A. N., Nechiporenko O. V., Poddubikov V. V., Bojko V. I., Shmakov V. S., Zazulina M. R., Belozeroва M. V., Shiller V. V., Schastlivcev E. L., Borina L. S., Uskov I. Yu. *Ethnological expertise. Assessment of the impact of MetAL LLC (OJSC MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and Yuzhny Kuzbass Management Company on the life support systems of the autochthonous and Russian population of the Chuvashinskaya rural administration of the Myski*. Kemerovo: FGUIPP "Kuzbass", 2005, iss. 1, 216. (In Russ.)
3. Murashko O. A. *Ethnological expertise in Russia and international standards for assessing the impact of projects on indigenous peoples*. Moscow: AKMNSS i DV RF, 2006, 107. (In Russ.)
4. Bojko V. I., Nechiporenko O. V., Poddubikov V. V., Belozeroва M. V., Sadovoy A. N., Kolbasko A. V., Zazulina M. R., Manakov Yu. A., Kupriyanov A. N., Samsonov V. V., Chemchieva A. P. *Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethnodemographic processes among the Teleuts of the Belovsky and Guryevsky districts of the Kemerovo region*. Novosibirsk: Parallel, 2008, iss. 2, 232. (In Russ.)
5. Zvidennaia O. O., Novikova N. I. *Udygei: hunters and gatherers of the Bikin River (Ethnological Expertise 2010)*. Moscow: Strategiiia, 2010, 164. (In Russ.)
6. Novikova N. I. *Ethnological expertise: at the crossroads of history, ethnology and legal anthropology. Integration of archaeological and ethnographic research: Proc. XVII Intern. Sci. symposium*. Omsk: Nauka, 2010, 76–80. (In Russ.)
7. Vasilkova T. N., Evai A. V., Martynova E. P., Novikova N. I. *Indigenous small peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug)*. Moscow-Shadrinsk: Shadrinskii dom pechaty, 2011, 267. (In Russ.)
8. Sadovoy A. N., Poddubikov V. V. *Ethnological expert examination in regional government practice: the experience of the Kemerovo region*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1): 22–26. (In Russ.)
9. Blauberger I. V., Sadovskii V. N., Iudin E. G. *System approach, prerequisites, problems, difficulties*. Moscow: Znanie, 1969, 48. (In Russ.)
10. Iudin E.G. *System ideas in ethnography. Priroda*, 1975, (7): 23–29. (In Russ.)
11. Iudin E. G. *Systematic approach and principle of activity: Methodological problems of modern science*. Moscow: Nauka, 1978, 391. (In Russ.)
12. Blauberger I. V. *Integrity problem and systems approach*. Moscow: Editorial URSS, 1997, 448. (In Russ.)
13. Sadovoy A. N. *Methodological and organizational aspects of the formation of the source base for the modern system of intercultural communications. Problems of modern sociocultural research: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, 28 Nov 2019*. Astrakhan: ID Astrakhanskii universitet, 2019, 12–16. (In Russ.)
14. Poddubikov V. V., Sadovoy A. N., Belozeroва M. V. *Expertise and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous small ethnic groups: methods of applied ethnology*. Kemerovo: Praktika, 2014, 358. (In Russ.)
15. Sadovoy A. N. *Methodological aspects of ethnic entrepreneurship traditional forms analysis*. *Nauchnyi dialog*, 2019, (8): 345–359. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-345-359
16. Sadovoy A. N. *The national policy of Russia in cross-border zones. Ethnic aspects of social technologies research. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (442): 145–156. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/442/18
17. Dashkovskiy P. K. *Ethnic and confessional processes in modern Mongolian Altai. Religiovedenie*, 2012, (1): 134–143; (In Russ.)
18. Vasiliev A. A., Solovyov V. Yu. *Ethno-confessional identity: historical analysis of the role of ethno-cultural factors in the activities of Russian society (as in the case of the Saratov province)*. *Vlast*, 2013, (11): 40–43. (In Russ.)
19. Ermolenko T. F., Shevelev V. N. *Ethnoconfessional processes in the North Caucasus in the context of the challenges of modernization. Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2014, (11): 11–15. (In Russ.)
20. Avksentiev V. A., Shulga M. M. *Ethno-confessional relations in Stavropol region: experience of conflictological analysis. Konfliktologiya*, 2014, (3): 148–162. (In Russ.)
21. Serikov A. V. *Ethno-confessional processes in a multicultural region (as in the case of the Rostov region). Ethno-social processes: in search of innovative methodology: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Maykop, 28–29 Nov 2016*. Maykop: Elektronnyye izdatelskie tekhnologii, 2016, 139–142. (In Russ.)
22. Mokshin N. F., Mokshina E. N. *Major trends in the sphere of ethnic confectionary relations in the Finnish-Ugorsky people of the Volga region and Priuralya (on the example of Mordva). Sotsialno-politicheskie nauki*, 2017, (4): 164–168. (In Russ.)

23. Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Zchadav N. Ethno-religious research in Mongolia in 2016. *Nations and religions of Eurasia*, 2017, (1-2): 115–128. (In Russ.)
24. Hurko (Vereshchagina) A. V. Modern religious traditions in the Belarusian village, their transformation and manifestation on the Belarusian-Russian borderlands. *Cultural landscape of the borderland: past, present, and future*: Proc. II Intern. Sci. Conf., Pskov, December 5–7, 2016. Pskov: PskovGU, 2018, 185–191. (In Russ.)
25. Sharapov A. V. The influence of the ethno-confessional factor on the citizen activism of the rural youth in Altai territory (following the results of the sociological survey). *Society and Security Insights*, 2018, 1(1): 154–161. (In Russ.)
26. Zhade Z. A., Kumpilov T. M. Effect of migration processes on the confessional space of the Republic of Adygea. *Positive potential of Islam as a factor of ethno-social consolidation of Russia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Maykop, 23–25 May 2019. Maykop: Elektronnye izdatelskie tekhnologii, 2019, 84–90. (In Russ.)
27. Mokshin N. F., Mokshina E. N. Ethno-confessional processes among the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions (the case of Mordva). *Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges*: Proc. VI All-Russian Sci. Conf. Finno-Ugric studies, Izhevsk, 4–7 June 2019. Izhevsk: Izd-vo Anny Zeleninoy, 2019, 518–522. (In Russ.)
28. Sadovoy A. N. Some aspects of the analysis of Burkhanism. *Problems of the history of Kuzbass*: Proc. Interregion. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 60th anniversary of the Kemerovo region, Prokopyevsk, 6–7 Dec 2002. Kemerovo: Infotekh, 2002, 8–11. (In Russ.)
29. Sherstova L. I. Burkhanism in Highland Altai. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, (4): 22–37. (In Russ.)
30. Sherstova L. I., Zinoviev V. P. *Burkhanism: origins of ethnoses and religion*. Tomsk: Izd-vo TGU, 2010, 288. (In Russ.)
31. Nasonov A. A. *Lamaism in the interconfessional interaction in the south of Western Siberia (the second half of the XIXth – the first third of XXth century)*. Kemerovo: INT, 2013, 198. (In Russ.)
32. Nasonov A. A. Buddhism regional forms in South Siberia: problems of dissemination and adaptation. *Kultura v evraziiskom prostranstve: traditsii i novatsii*, 2017, (1): 27–30. (In Russ.)
33. Efimov A. B. *Essays on the history of missionary work of the Russian Orthodox Church*. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2007, 683. (In Russ.)
34. Naumova O. E. *Irkutsk diocese. XVIII – first half of the XIX century*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. texn. un-ta, 1996, 205. (In Russ.)
35. Ovchinnikov V. A. *Monasteries of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia (late XVIII – early XXI centuries)*. *Flourishing. Liquidation. Revival*. Kemerovo: KemGU, 2011, 544. (In Russ.)
36. Znamenskii P. V. *History of the Russian Church*. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvorie, 2000, 464. (In Russ.)
37. Ionova Z. N. *Christian denominations on the Black Sea coast of the Caucasus at the end of the XIX–XXI centuries*. Cand. Hist. Si. Diss. Abstr. Stavropol, 2015, 21. (In Russ.)
38. Ovchinnikov V. A. Institutional approach to scientific research method of history of the Orthodox monastic cloisters. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, 10, (1): 55–60. (In Russ.)
39. Adlykova A. P. *Monasteries of the Altai Spiritual Mission in the second half of the XIX – early XX century*. Gorno-Altaysk: RIO Gorno-Altayskogo gosuniversiteta, 2006, 189. (In Russ.)
40. Sadovoy A. N. Traditional culture and natural resources (Black Sea coast natives in the XIX century). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, (32): 13–25. (In Russ.)
41. Belozerova M. V. Interethnic interaction on the territory of the Russian Black Sea region (the case of Greater Sochi). *Homo communicans II: man in the space of communication*. Szczecin, Poland, 2012, 46–52. (In Russ.)
42. Tveritinov I. A. *Socio-economic development of the Sochi District in the second half of the XIX – early XX centuries*. Maykop: Poligraf-Iug, 2009, 124. (In Russ.)
43. Shchegolkova E. Yu. Interethnic interactions of the population of Greater Sochi. *Vestnik instituta sotziologii*, 2011, (2): 172–186. (In Russ.)
44. Sadovoy A. N. *Territorial community of Mountain Altai and Shoria (late – early centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 198. (In Russ.)
45. Hrapova N. Yu. On the matter of content and staffing of the Altai mission agency in the second half of the XIX – early XX centuries. *Major issues of the history of Siberia*, eds. Kiryushin Yu. F., Skubnevsky V. A. Barnaul: Izd-vo AGU, 1998, 120–123. (In Russ.)